

Гастрольное обозрение

# КАК «ЧИТАТЬ» ОПЕРУ

А что, если бы на один из спектаклей Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина попал зритель, равнодушный к оперному искусству, — остался бы он глух, скажем, к «Чародейке» П. Чайковского или «Пире во время чумы» А. Николаева? Нет, вряд ли — эмоциональная заразительность этих спектаклей достаточна, чтобы пробудить даже небогатую душу. Может быть, не сразу, не вдруг — ведь «волшебная сила искусства» и не рассчитана на сиюминутное воздействие. Внимание зрителей и критики к гастролем театра было повышенным, и в этом нет ничего случайного.

Во-первых, театр впервые за пятьдесят лет своего существования приехал в Москву и привез любопытный репертуар, а вовторых, спектакли оказались на редкость интересными, хотя иные и спорны. После первых же просмотров стало ясно, что театр работает строго и серьезно. Не гонится за театральной модой, за легким успехом, менее всего стремится порадовать и удивлять. Здесь помнят о таких «мелочах», как грим, и умеют гримироваться, ценят театральный костюм. Умело работают со светом. Здесь зрителю не нужно напрягать слух, чтобы разобрать текст — дикция отчетлива одинаково и у солистов, и у хора. Все, что называется театральной культурой, свойственно горьковчанам в полной мере и позволяет с наибольшей глубиной донести до зрителя «жизнь человеческого духа», движение человеческих характеров.

Особенно впечатляет оперная часть труппы — сильная, слаженная, с великолепным хором и завидно талантливыми солистами. Для такого коллектива нет проблем в постановке ни классики, ни произведений современных композиторов. Ставят «Аиду» Дж. Верди и «Чародейку» П. Чайковского, но могут позволить себе «Фому Гордеева» А. Касьянова, «Порги и Бесс» Дж. Гершвина, а то и вовсе «Рыцаря Синяя Борода» Ж. Оффенбаха. (Обычно этим произведениям Оффенбаха пренебрегают оперные театры, ошибочно считая его легкомысленной опереттой, но не каждый театр оперетты имеет таких солистов, которые «потянут» трудный вокал этой оперы-буфф).

Ориентация горьковского театра на оперные произведения столь разных школ абсолютно правильная, ибо способствует наиболее полному развитию мастерства труппы.

Большинство оперных спектаклей поставил главный режиссер театра О. Дадишкилиани, человек необычной, на мой взгляд, судьбы. Окончивший балетмейстерское отделение ГИТИСа и получивший признание и известность как постановщик балетных спектаклей в театрах страны, он становится оперным режиссером. И, как показали гастрольные спектакли, режиссером прекрасным. О. Дадишкилиани обладает редкой музыкальностью и сценической интуицией, поэтому любые его режиссерские решения и приемы «вычитаны» им из музыки и разработаны в соответствии с замыслом композитора. Поставленные им спектакли отличаются повышенной эмоциональностью, яркая зрелищность и какая-то особая духовная чистота. И это очень важно, ведь не секрет, что в последние годы высокое содержание стало порой выпадать из репертуара театров, уступая место работам откровенно слабым, далеко не всегда имеющим право на существование.

Горьковский театр начал гастроль «Чародейкой» — оперой, которую заново «открыли» для советского театра именно горьковчане.

Высокой нотой духовного напряжения, заданного удивительной поэтичной сценографией Ю. Севостьянова (сценография вообще сильное звено театра), начинается спектакль. И хотя мы давно уже отвыкли от больших четырехактных постановок, он смотрится «на одном дыхании». Постановочной группе — О. Дадишкилиани, дирижеру П. Резникову, сценографу удалось труднодостижимое — подняться над мелодраматической канвой сюжета, рассказать зрителю о величии силе любви, о поэтической преобразить человека. Об этом ведь и музыка Чайковского, когда она правильно понята. «Чародейка» — яркий пример спектакля, где режиссура неотделима от сценографии, а игра актеров превращает спектакль в полную страстную драму характеров. Надолго запомнятся зрителям А. Зырянова — Настасья с ее простой и искренней игрой, голосом хорошего тембра, достаточным для драматизации образа; Л. Коржакова, страстная, гордая и по-человечески несчастная княгиня, с ее выразительным великолепным маццо-сопрано; властный, не знающий удержу в своих желаниях князь — В. Бусыгин, С. Аскаров — злобный, со взглядом исподлобья дяк Мамыров. Это, конечно, лидеры, наиболее полно и глубоко выражающие идею

спектакля. Но это не значит, что другие играют хуже. Нет, ярко и запоминается любой персонаж. И, конечно, великолепный хор театра — благодаря ему хоревые ансамбли звучат так, что порой сердце замирает от восхищения, и здесь, в «Чародейке» (особенно в большом ансамбле первого действия), и в остальных спектаклях театра.

Опера Гершвина «Порги и Бесс» тоже не часто ставится в театрах в силу ее очень сложной ладовой — ритмической фактуры, трудной для воплощения. Но горьковчан, кажется, сложные задачи только притягивают. Ни режиссер О. Дадишкилиани, ни дирижер В. Бойков, ни художник В. Кулавин не увлеклись этнографией, не соблазнились экзотикой негритянской жизни. Обострив психологический подтекст драмы, они создали простое, строгое и даже чуть суровое повествование о трудной любви двоих, Порги и Бесс, столкнувшихся с бесчеловечными законами жестокого мира. И никакого надрыда, мелодраматической слезливости у актеров. Дарования В. Степанова — Порги нацело исключают такую возможность. Правда, мне показалось, что Л. Зырянова, великолепно спевшая в «Чародейке», актерски менее убедительна в партии Бесс.

Из других оперных спектаклей горьковчан, каждый из которых достоин серьезного разговора, остановлюсь на двух одноактных операх московского композитора А. Николаева — «Пир во время чумы» и «Граф Нулин». Осуществив эту работу, горьковский театр еще раз подтвердил свою славу первооткрывателя.

Конечно, тяготеющие к пушкинской тематике — а театр поставил все крупные русские оперы и многие сочинения советских композиторов на сюжеты поэта — можно легко объяснить тем, что театр стремится оправдать данное ему имя А. С. Пушкина. Но, думается, горьковчане еще и неравнодушны к хорошей музыке. А она в «Пире во время чумы» такова, что ее хочется слушать еще и еще, — часто ли такое желание вызывает современные оперы? Глубокая, страстная, очень мелодичная музыка органично сливается в единое целое с текстом пушкинской «маленькой трагедии», но полную свою власть она являет в блистательном «Гимне в честь чумы» — торжествующей песне человеческого духа, победившего страх смерти. Спектакль пронизан верой в жизнь, в духовные и нравственные силы человека.

Удивляет и волнует серьезное отношение коллектива к этой маленькой опере — она длится всего 40 минут, но души, мастерства и вдохновения в нее вложено не меньше, чем в масштабный многоактный спектакль. И большой актерской удачей является эмоциональный, глубоко психологический образ Председателя Вольсингама, великолепно созданный А. Правильным.

К сожалению, балетный репертуар более традиционен и повторяет в основном афишу обычного музыкального театра. Это классика — «Щелкунчик» и неуязвимая «Жизель», «Любовью за любовь» Т. Хренникова, «1001 ночь» Ф. Амирова. Спектакли хорошие, крепкие, труппа техничная. Есть хорошие солисты — легкий, выразительный В. Миклин, глубокая, серьезная, с хорошей пластикой Т. Карпова.

А вот балет В. Кикты «Дубровский» вызвал разноречивые оценки. Работа необычайно интересная, хотя и спорная. Опытным в постановочном коллективе может считаться, пожалуй, только художник Э. Стенберг. Для московского же композитора В. Кикты и горьковского балетмейстера В. Бадрова эта первая большая работа.

Яркая, насыщенная песенными мотивами музыка нашла более точное воплощение в изысканной, прекрасной по колориту сценографии, нежели в хореографии. Главное, чего недостает хореографической партитуре, — это танец. Им не обижена партия Дубровского (С. Цветков) — он в балете единственный танцует. А нежной, очень поэтичной и мягкой Маше — Е. Урюпиной танцевать просто нечего. А между тем балерина прекрасно владеет техникой, но, если бы не стеснялась па-де-де в «Жизели», зритель бы на этот счет остался в неведении. Большой разработанности хочется пожелать и образу Трекурова — ведь прекрасный танцовщик Ю. Васильев обладает большими возможностями.

Московские гастролы проявили не только успехи театра, но и стоящие перед ним проблемы. Безусловно, все они будут решены, ибо театр в прекрасной творческой форме. Коллектив его составляют люди, преданные искусству, обладающие уверенным профессионализмом и творческой смелостью, а это залог новых обещаний работ театра, следующих встреч с которым московский зритель будет ждать с интересом.

Г. ГОГОТИШВИЛИ.